

19 июня 1989 года

"Но дядя, куда же мне идти?"

Лицо толстяка побагровело от жалобного вопроса ребенка. "Мне все равно, маленький уродец! Я просто хочу, чтобы ты убрался из этого дома задолго до приезда Говардов. Счет Болсона слишком важен, чтобы рисковать, даже запихивая тебя в шкаф. А теперь убирайся!"

Крошечный мальчик вздрогнул от нескладной фигуры дяди и выскочил за дверь. Дядя не часто бил его, но лучше было не рисковать. Одного раза в травмпункте из-за сломанной руки было достаточно и для мальчика, и для мужчины. Мужчина не хотел задавать лишних вопросов об источнике травм мальчика, а мальчик не хотел об этом говорить. Так что теперь мужчина полагался исключительно на эмоциональное и словесное насилие в сочетании с питанием на уровне натурального хозяйства.

В большинстве случаев физическая боль переносилась легче.

Парк был темным и заброшенным, когда маленький Гарри Поттер бесцельно сидел на качелях. Солнце уже давно село, а луна восходила и заливала парк серым светом. В парке было совершенно тихо, если не считать металлического скрипа качелей, которые медленно двигались взад-вперед. На самом деле было почти сверхъестественно тихо. Не было слышно ни звуков далеких машин, ни голосов. Ни летучих мышей, ни сов, ни других ночных существ, занимающихся своими делами. Даже ветра не было. Только тишина и одинокий мальчик на качелях.

Гарри был слишком погружен в свои внутренние размышления, чтобы обращать внимание на окружающую его тишину.

Он старался быть хорошим мальчиком и добиться признания и одобрения тети и дяди. Гарри называли "обманщиком", когда его оценки были лучше, чем у его кузена Дадли. Его клеймили "хулиганом" и "задирой" за действия его кузена и маленькой банды друзей кузена. Никто никогда не видел, чтобы Гарри сделал что-то плохое, но с готовностью верили в любую ложь, которую распространяли о нем родственники.

Прошло много лет, прежде чем Гарри узнал, что причина такого отношения к нему была непреднамеренным побочным эффектом защиты, наложенной на него матерью и запечатанной, когда его отправили жить к тете. Этот эффект продлится до его магической зрелости в 17 лет.

Защита должна была оградить Гарри от магических существ с вредоносными намерениями, особенно от того, кто вызвал защиту: Темного Лорда Волан-де-Морта. Защиту создала Лили Поттер, но активировало её Убийственное проклятие самого могущественного волшебника за почти тысячелетие. Защитные механизмы будут противостоять Тёмному Лорду и его последователям до тех пор, пока в Гарри Поттере будет течь кровь его матери. Когда он

находился в доме своей тёти, Волан-де-Морт и его Пожиратели смерти не могли даже приблизиться к дому. Вдали от дома защита по-прежнему давала ему преимущество, делая само его прикосновение смертельно опасным для Темного Лорда.

К сожалению, защита имела непредвиденный побочный эффект. Глубокая ненависть Лорда Волан-де-Морта к своему пророческому противнику заразила защиту, которую он невольно активировал. Она действовала как нечто вроде Конфундуса или гипнотического внушения на тех, кто был магически слабее того, кто запустил защиту. Поскольку Волан-де-Морт был невероятно силен, это означало, что все, кто не состоял в кровном родстве с Лили Поттер, в той или иной степени попадали под его влияние. Сам по себе этот побочный эффект был нейтральным. Негативным его сделала Петуния Дурсль. Распространяя злонамеренные слухи и ложь о своем племяннике, Петуния создала магическую предрасположенность принимать негативное мнение о маленьком мальчике на основании самых незначительных доказательств. Таким образом, учителя, соседи и врачи игнорировали очевидные признаки жестокого обращения. Позже это легкое принятие негативной информации повлияет на учеников Хогвартса и все магическое население в школьные годы Гарри.

Только те, кто испытывал по отношению к мальчику непреодолимые положительные эмоции, смогли бы преодолеть эффект Конфундуса. Чем сильнее были положительные эмоции, тем слабее были побочные эффекты защиты. Это стало причиной резких колебаний общественного мнения в подростковом возрасте мальчика.

Но Гарри узнает об этом только через много лет. Пока же он был просто маленьким мальчиком, одиноким в темном парке и жалеющим себя.

Первым признаком того, что в парке не все в порядке, стало негромкое рычание, доносившееся из-за деревьев небольшого леса, граничившего с парком. Годы общения с различными собаками сестры его дяди заставили Гарри с понятной настороженностью относиться к незнакомым псам. Гарри любил собак, но научился держаться на безопасном расстоянии, пока не поймет, дружелюбны они или нет.

Гарри спустился с качелей и начал медленно отступать от рычащих звуков. Теперь он мог видеть желтые глаза собаки, отражающиеся в свете полной луны. Гарри знал, что если он повернется и побежит, то собака погонится за ним. Поэтому он продолжал отступать так быстро, как только мог. Гарри мог получать плохие оценки, но на уроках естествознания он был внимателен. Собака с такими глазами могла быть больна бешенством или какой-нибудь другой болезнью. Предполагалось, что в Британии бешенства не существует, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Гарри успел пройти несколько метров между собой и линией деревьев, когда существо внезапно вырвалось из зарослей. У Гарри осталось лишь краткое впечатление от клацающих челюстей и рычания, когда он быстро повернулся и помчался изо всех сил. В голове у него была только одна мысль - убежать.

Гарри перепрыгнул через качели, когда зверь поймал его за лодыжку. Боль пронзила

мальчика, когда зубы смяли его лодыжку, как бумажный стаканчик. Чудовище закрутило головой, отбрасывая Гарри назад, туда, откуда он пришел.

Сквозь боль и панику в мозгу Гарри пронеслась одна мысль. "Мне нужно убежать, СЕЙЧАС!"

Гарри упал на землю в длинную мягкую траву, но почувствовал, что позади него находится какая-то стена. Он инстинктивно свернулся в клубок, чтобы защититься, но нападения не последовало. Спустя мгновение, показавшееся одновременно вечностью, Гарри заставил себя поднять голову.

Он был в другом месте. Это был не парк. Это был школьный двор. Как он сюда попал? Куда делся зверь?

В этот момент его охватила боль.

Казалось, что по его венам течёт жидкий огонь, доставляя боль всему телу. Гарри хотел закричать, но ему было так больно, что он не мог вдохнуть, чтобы сделать это.

Потом стало еще хуже.

Жидкий огонь уже почти полностью охватил его тело, когда достиг странного шрама в форме молнии на лбу. Распространение огня словно приостановилось на мгновение, и боль ослабла. Затем шрам вспыхнул, забрызгав мальчика кровью. Холодная чернота начала отталкиваться от жидкого огня. Чернота обжигала своим холодом так же сильно, как и жидкий огонь. Место их столкновения было настоящим адом на земле.

Агония заставила неокрепшее магическое ядро Гарри отреагировать. В течение многих лет оно автоматически сдерживало незваного гостя, запертого в шраме. Теперь на него напал новый незванный гость. Между магическим ядром и двумя магическими инфекциями завязалась трёхсторонняя битва. Три силы боролись в вихре битвы по всему телу мальчика.

В конце концов маленький фрагмент души Темного Лорда, засевший в шраме, оказался слишком слаб, чтобы выжить. Холодная чернота была уничтожена родным ядром и жидким огнем. Однако холодная чернота не унималась.

Жидкий огонь также получил значительные повреждения в битве. Он был сильно ослаблен и изменен. Ослабленный жидкий огонь и остатки холодной черноты были поглощены незрелым родным ядром. Жидкий огонь соединился и смешался с элементами магического ядра.

В результате получилось то, чего мир еще никогда не видел.

29 октября 1993 года

Это была ночь перед полнолунием, и Римус Люпин чувствовал это всеми своими костями. Его внутренний волк был рад вырваться на свободу. После более чем тридцати лет ликантропии боль была знакома, хотя и нежелательна. По крайней мере, зелье Северуса снимало боль и позволяло контролировать зверя следующей ночью.

Профессор Люпин патрулировал коридоры и территорию Хогварта в рамках своих обязанностей перед школой. Префекты патрулировали до часа после комендантского часа. Затем по одному профессору патрулировали до двух часов ночи. Призраки Хогwartса также несли вахту во время и после профессорских патрулей.

Патрулируя территорию за пределами Хогwartса возле теплиц, мужчина размышлял о сыне своего друга, Гарри Поттере. Гарри оказался совсем не таким, как ожидал старший волшебник.

Гарри был немного ниже ростом, чем его отец на третьем курсе, но гораздо более мускулистым. У него также не было характерного для Поттеров плохого зрения, хотя волосы и лицо были как у Джеймса. Его глаза были чисто лилиевыми.

Младшему Поттеру также не хватало пресловутой харизмы Джеймса. Вместо этого у Гарри была небольшая группа очень близких друзей, изолированных от остальной школы. Многие ученики казались странно разделенными. Они едва терпели Гарри и одновременно уважали Мальчика-Который-Выжил. Это выглядело довольно странно.

Гарри также, казалось, отлично разбирался в практической магии. Его письменные задания, как правило, были редкими и минимальными по объему, но с палочкой в руках он был великолепен. Минерва и Филиус согласились с его оценкой. Северус, разумеется, не мог сказать ничего положительного ни об одном Поттере, в то время как профессора Рун и Магических существ не продержали его у себя достаточно долго, чтобы дать оценку. (Хотя Хагрид уверял Ремуса, что Гарри будет блестяще вести занятия, судя по тому, как Гарри обращается с многочисленными "питомцами" Хагрида).

Размышления Ремуса были прерваны, когда мимо пробежала знакомая большая черная собака. Падфут. Ремус достал свою палочку, чтобы вызвать Патронуса профессора Дамблдора, и тут же испытал сильнейший шок в своей жизни.

Большой оборотень выскочил из-за угла на четвереньках с гораздо большей скоростью, чем Падфут.

"Черт возьми!" потрясённо воскликнул Ремус, доставая свою палочку. Полнолуние наступит только завтра вечером! Как оборотень мог оказаться на улице сегодня?

Оборотень, казалось, услышал это тихое восклицание. Он резко остановился и повернулся лицом к профессору Защиты. Он поднялся на задние лапы и, казалось, возвышался над профессором-человеком.

Опытным глазом Ремус видел, что это был оборотень-подросток, еще не достигший своего полного роста. В полный рост оборотень был бы даже больше Фенрира Грейбека! Затем Ремус обратил внимание на глаза существа. В них не было и следа желтого оттенка, свидетельствующего о ликантропическом безумии, которого он ожидал. Вместо этого зеленые глаза казались забавными.

Ремус медленно опустил палочку. Дамблдор никогда не упоминал о том, что принял еще одного студента, зараженного оборотнем. Почему бы ему не упомянуть об этом? И после того, что случилось на шестом курсе, как Северус мог принять его?

Массивный оборотень издал странный смешок, в котором, казалось, были и юмор, и покорность.

Только когда раздался лай собаки, Ремус вспомнил о первой фигуре. Прежде чем он успел что-либо предпринять, оборотень издал тот же звук, после чего помчался в том направлении, куда ушла собака. Не успел профессор Защиты опомниться, как снова оказался один в темноте, так и не произнеся ни одного заклинания.

<http://tl.rulate.ru/book/104348/3650117>